

АНДРЕЙ ЛАНИУС

БИЗНЕС-ПЛАН
УБИЙСТВА

18+

Андрей Ланиус
Бизнес-план убийства

«Автор»

2013

Ланиус А.

Бизнес-план убийства / А. Ланиус — «Автор», 2013

Они больше не друзья, а только партнеры по бизнесу. И каждый тянет одеяло на себя, подозревая другого в том, что тот ведет нечестную игру. Но ситуацию направляет кто-то третий. Кто он? Или она?

© Ланиус А., 2013

© Автор, 2013

Содержание

1. ЗА СТОЛИКОМ КАФЕ	6
2. НЕТ НИЧЕГО ПРОЩЕ...	15
3. ПОЕЗДКА В ЛЕСНУЮ ГЛУШЬ	19
4. ТИХИЙ УГОЛОК	21
5. КУПАНИЕ ПРИ ЛУНЕ	28
6. НОВАЯ ВСТРЕЧА С ЗАКАЗЧИЦЕЙ	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Андрей Ланиус

Бизнес-план убийства

(Хроника недавнего времени – 2005 г.)

1. ЗА СТОЛИКОМ КАФЕ

– Теперь, полагаю, вы поняли, что никому, кроме вас, не предотвратить возможной трагедии? – утвердительно спросила женщина, сидевшая напротив меня.

Я промолчал.

– Притом вам ничего не придется для этого делать, – добавила она. И следом уточнила: – Почти ничего.

– Порой между “ничего” и “почти ничего” – дистанция огромного размера, – все же заметил я.

Она покачала головой:

– Это не тот случай!

– Кто знает! А вообще-то, я выслушал бы вашу историю еще раз, сначала. При пересказе, знаете ли, нередко всплывают важные подробности...

– Хорошо, – она кивнула и задумалась, собираясь с мыслями.

Мы сидели за столиком уютного кафе, откуда открывался вполне рекламный вид на Неву и ответвляющуюся от нее Большую Невку с крейсером “Аврора” на фоне нахимовского училища. Если верить путеводителям, именно в этом месте ширина реки достигала максимального значения.

День был солнечный, безоблачный, даже жаркий, и по водной глади сновала целая флотилия катеров и теплоходиков, набитых туристами. По Троицкому мосту и вдоль набережных бесконечными вереницами двигался транспорт. Над панорамой исторической застройки сверкали на солнце шпили Петропавловки, адмиралтейства и купол Исаакия.

Хорошо бы просто так посидеть за бокалом терпкого вина, наблюдая эту приятную глазу картину и не отвлекаясь на посторонние мысли.

Однако именно сейчас я не мог позволить себе этого.

Даме, пригласившей меня в это кафе для конфиденциальной беседы, требовалась предельная концентрация моего внимания на ее проблеме.

Собственно, все началось вчера вечером.

Я собирался на ужин, когда в моей квартире раздался телефонный звонок.

“Тысяча извинений за беспокойство! – произнес в трубку мелодичный женский голос. – Я говорю с Дмитрием Сергеевичем Черных?” – “Да”, – лаконично подтвердил я. “Позвольте еще один деликатный вопрос: вы плавали в прошлом году на теплоходе по Неве вместе с господином Нектаровым?” – “Да”, – без особого энтузиазма ответил я. “Слава богу! – воскликнула женщина. – Значит, я не ошиблась! Это действительно были вы! Я представляюсь, с вашего позволения. Шестоперова Валентина Федоровна, давняя знакомая господина Нектарова. Тот когда-то работал с моим мужем, точнее, мой муж работал у него. Понимаете, есть одно дело... На первый взгляд, оно, как бы вам сказать... Впрочем, это не телефонный разговор! В сущности, речь идет о жизни или смерти, но вам совершенно ничего не придется делать... Одно ваше присутствие может разрядить обстановку!” – Чувствовалось, что женщина глубоко взволнована, и это мешает ей говорить более связно. Я задал два-три уточняющих вопроса, после чего, не обещая ничего конкретно, согласился на сегодняшнюю встречу, которую неведомая обладательница приятного голоса назначила мне в кафе.

Шестоперова оказалась элегантной брюнеткой бальзаковского возраста. Впрочем, есть женщины, которые в любом возрасте выглядят интересными. Валентина Федоровна, несомненно, была из их числа. Настоящая петербурженка – грациозная, тактичная, стильная, с безупречным вкусом. На ее ухоженном, чуточку удлинненном лице выделялись ясные черные глаза. Летний деловой костюм цвета беж из натурального льна подчеркивал классическую стройность фигуры.

Весь мой житейский опыт говорил о том, что женщины такого типа умеют держать удары судьбы, не теряя достоинства, и редко смиряются с давлением неблагоприятных обстоятельств.

Она еще слова не успела промолвить, а я уже был на ее стороне. Но до поры ей не полагось об этом знать.

Явившись на встречу первой, она выбрала удобный угловой столик с видом на невиские просторы и заказала по бокалу дорогого испанского вина.

Разговор она начала с ненавязчивых комплиментов в мой адрес.

Затем сообщила, что она в курсе тех закулисных событий годичной давности, благодаря которым господину Нектарову удалось сохранить и свое доброе имя, и свободу. Мол, в общих чертах она знает о моей роли в той истории. Она участвовала также в теплоходной прогулке по Неве, когда господин Нектаров праздновал свою реабилитацию, и даже помнит, какой усталый был у меня вид. Она рада засвидетельствовать, что господин Нектаров до сих пор поднимает за меня тост в узком кругу... ну и так далее.

Вчера днем, продолжала Шестоперова, она проезжала по Невскому и случайно увидела меня у Гостинки. Память на лица у нее вообще цепкая, а уж меня она узнала сразу. И поняла, что это знак судьбы. Узнать номер моего телефона ей было совсем несложно.

Затем, волнуясь и поминутно щелкая зажигалкой, она изложила мне суть дела, которое могло бы показаться плодом разыгравшегося воображения, если бы не ряд достоверных и тревожных деталей. Именно для уточнения этих деталей я и попросил ее повторить свой рассказ.

Шестоперова зажгла очередную тоненькую сигаретку и заговорила уже более спокойно и раздумчиво:

– Я замужем за одним из совладельцев посреднической фирмы Шевалье”. Всего совладельцев трое: мой муж – Шестоперов Алексей Михайлович, а также Константин Константинович Вздорин и Эдуард Аркадьевич Кроваль. По возрасту Алексей Михайлович самый старший, ему 56. Между прочим, у нас с ним тоже немалая разница, но это так, к сведению. Что касается Константина и Эдуарда, то они ровесники и находятся в полном расцвете сил, обоим около сорока. Для мужа, да и для меня тоже, они просто Костя и Эдик. Я так и буду их называть в своем рассказе.

Так уж сложилось, что пятнадцать лет назад они втроем организовали небольшую фирму, которую назвали «Шевалье». Вы, Дмитрий Сергеевич, помните, наверное, что в ту пору многие ответственные работники бросились, очертя голову, в бизнес. Фирмы и фирмочки плодились как грибы после дождя. От многих нынче и вывески не осталось. А вот наше детище не просто выжило в финансовых бурях, но даже укрепилось и расширилось...

– Почему такое не питерское название – «Шевалье»? – поинтересовался я. – Помнится, тогда была тенденция прибавлять к названию приставку “Балт-“, “Евро-“, “Петро-“ или какое-нибудь производное от “Невы”.

– Была и другая тенденция: составлять название фирмы из букв или слогов, входящих в имена и фамилии совладельцев. “Шевалье” – это Шестоперов, Вздорин и Кроваль, правда, с маленькими натяжками. Первым стоит мой Алексей Михайлович – из уважения к его возрасту и опыту ему достались две буквы. Вторым идет Вздорин, которому досталась только одна буква “в”, третьим – Эдка Кроваль, он получил целых три буквы, но из окончания фамилии, “е” добавлено для благозвучия. Так и сложилось “ШЕ-В-АЛЬ-Е”. Все это обсуждалось весело, с шутками и прибаутками, за накрытым столом. Вообще-то, у них совершенно разные характеры и разные жизненные установки, но вместе они образуют вполне гармоничную силу. Костя – из классических вундеркиндов, умница, генератор идей, аналитик, схватывающий все значимое на лету. Если природа чем его и обделила, то лишь мужской статью. Зато Эдик – настоящий танк, броненосец-таран и по характеру, и по комплекции. Для него не существует преград, если только его вовремя подпитывать деловой энергией. И, наконец, мой Алексей Михайлович – это марка, это представительство, это престиж и вальяжность, это умение вести переговоры

с неудобными партнерами и устраивать выгодные контракты. У них троих все получалось, абсолютно все!

– Но однажды начались размолвки... – сделал я напрашивавшийся вывод.

– Собственно, спорили они всегда. До хрипоты. Но это были деловые споры, нацеленные на лучшее решение возникшей проблемы, вы понимаете?

– Отлично понимаю.

– Месяцев семь-восемь назад атмосфера взаимной приязни вдруг резко улетучилась, – продолжала Шестоперова, доставая из сумочки новую пачку сигарет, поскольку прежняя опустела. – Между Костей и Эдиком пробежала какая-то очень злая черная кошка. Мы с моим Алексеем Михайловичем начали замечать проявления откровенной враждебности между ними.

– Вот теперь точнее, пожалуйста.

– Да, конечно. Понимаете... Эдику всегда нравилась Люсьена – жена Кости, очень яркая, сексуально привлекательная блондинка, тип голливудской красотки, если угодно. Но шансов у Эдика, если откровенно, было маловато. Не потому, что Люсьена такая уж недотрога, как раз наоборот... Но Эдик, с его внешностью рассерженного бульдога, совершенно не в ее вкусе, совершенно. И все-таки похоже на то, что она не сбрасывала его окончательно со счетов. Знаете ли, плохая примета – ставить крест на верном поклоннике. Это понимают даже избалованные красавицы. А тут еще Эдик затеял развод со своей женой Жанной. Они и прежде-то не очень ладили – Эдик и Жанна, но, сказать по правде, известие об их разводе всех нас ошеломило. Причем расходились они шумно: со скандалами, взаимными упреками... Мне и сейчас неприятно об этом говорить, ведь Жанна была и остается моей лучшей подругой. Но я должна называть вещи своими именами, иначе мы не доберемся до истины, так ведь?

– Да-да.

Шестоперова в упор посмотрела на меня своими большими черными глазами:

– Естественно, все сказанное мною сейчас должно остаться между нами.

– Разве господин Нектаров не упоминал, что я не отличаюсь болтливостью?

– Конечно. – Она снова щелкнула зажигалкой. – Надо сказать, что в нашем офисе существует традиция совместного празднования всяческих дат, юбилеев, дней рождения и прочего. Сдвигаются столы, выставляется сухое вино и бутерброды... Все достаточно скромно. Впрочем, раз на раз не приходится, иногда празднуем с размахом.

– Простите, а вы, жены совладельцев, тоже участвуете в этих мероприятиях? – уточнил я.

– Лишь в отдельных случаях. Исключая, впрочем, Люсьену. Та навевается в офис буквально через день.

– Если я правильно понял, никто из вас, жен совладельцев, не занимает на фирме никакой штатной должности?

– Да, это верно. Мы не служим.

– Ясно, продолжайте.

– Первый звоночек прозвенел на встрече Нового года. Событие отмечали заранее, 29 декабря. К тому времени Эдик уже расстался с Жанной, и ее, понятно, там не было. Я накануне простудилась и тоже не смогла пойти. Поэтому о случившемся могу судить только со слов других, в основном, моего Алексея Михайловича. Так вот. Разогрелись они в тот вечер основательно, и, как водится, настал момент, когда общая компания распалась на отдельные группы. Есть в конторе некто Цыщев – “ночной портье”, любитель заглядывать в замочные скважины, короче, отвратительный тип. И вот мой Алексей Михайлович видит, что Цыщев стоит за спиной Кости и что-то нашептывает ему на ухо. Тот меняется в лице и выскакивает в коридор. Люсьены за столом нет. Как и Эдика. Через минуту из глубины коридора доносятся крики. Народ тут же устремляется на шум.

– И что же видит народ?

Она вздохнула:

– Нужно знать Костю. Это необычайно тактичный, деликатный, выдержанный человек. Необыкновенно здравомыслящий! Тихоня в классическом варианте! В общении с рядовыми сотрудниками он никогда не повышает голоса. Но как только дело коснется его ненаглядной Люсьены, в нем будто просыпается крепко спавший зверь. Он, кажется, может даже загрызть! Но не свою Дездемону, а того, кто посмел плотоядно взглянуть на нее, понимаете? Люсьена для него – непогрешимый ангел, что бы там она ни вытворяла за его спиной! Да уж, ангелочек... Костя знал, конечно, что Эдик неравнодушен к ней. И даже вроде бы гордился тем, что владеет сокровищем, которое вызывает зависть компаньона. Но в ту минуту на него накатил приступ ревности, перешедшей в настоящее безумие! Он сорвался и готов был ударить Эдика бутылкой по голове. Хотя ровным счетом ничего не произошло. Просто Эдик и Люсьена оказались вдвоем в кабинете Эдика. Тот будто бы хотел вручить ей новогодний подарок. Хорошо, что поблизости находился мой Алексей Михайлович. С невероятным трудом он погасил страсти, а затем сам отвез Эдика домой. Но трещинка в отношениях между Эдиком и Костей уже пролегла. Первая трещинка, которая быстро расширялась и в последующие месяцы превратилась в бездонную пропасть.

– Вероятно, вы с мужем пытались примирить их? – предположил я.

– О, поверьте, мы с Алексеем Михайловичем сделали все, что могли, лишь бы восстановить прежний мир! – с жаром воскликнула Шестоперова. – В конце концов, усадили их за один стол и склонили к рукопожатию. Но еще тогда я почувствовала, что оба держат камень за пазухой... Вскоре после Рождества Эдик снова удивил всех нас, скоропалительно женившись на сотруднице рекламного отдела Ирине. Глупый, бессмысленный брак, заключенный не иначе как в состоянии аффекта! Да, согласна, у Ирины красивые длинные ноги. Но этого слишком мало, чтобы быть хорошей женой. А ведь Эдька мечтал именно о хорошей жене, о хранительнице домашнего очага. Жанну он называл плохой хозяйкой, хотя это совершенно несправедливо, уверяю вас! Да, может быть, Жанна не испытывала экстаза по отношению к кухне, но, простите, Ирина ведь не знает даже, с какой стороны братья за сковородку! – Шестоперова поправила свою аккуратную прическу. – Притом Жанна далеко не уродина, поверьте! Даже очень молодые люди нередко поглядывают на нее с нескромным интересом.

– Жанна как-то фигурирует в дальнейших событиях? – осведомился я. – Мне показалось, что ее вы не называли.

– Ой, простите! Я, кажется, увлеклась... Словом, второй брак Эдика оказался несомненной ошибкой. Он и сам понял это достаточно быстро. И еще сильнее возненавидел за свой необдуманный поступок... Костю! Понимаете?!

– Похоже, этот ваш Эдик по натуре – азартный игрок?

– Вы это верно подметили, – кивнула она. – Не буду утомлять вас перечислением мелких подробностей, коим нет числа, расскажу только о двух узловых моментах этой истории. Первый произошел накануне женского дня – шестого марта. Опять же – в офисе. Был банкет, сотрудницам вручали подарки. Руководство присутствовало в полном составе. Были также Люсьена, Ирина и я. Все протекало достаточно благобно. Эдик и Костя не обменялись ни единым уколом, к которым сотрудники уже начали привыкать. По домам разъехались в превосходном настроении. И вдруг – поздно вечером телефонный звонок от Люсьены: Костя отравился! Увезла “Скорая”, состояние тяжелое. Причем сам Костя грешил якобы на фаршированные баклажаны, которые обнаружил на своем столе, хотя на других столах – это он вспомнил позднее – такой закуски не было. Без всякой задней мысли он умял чуть ли не целую баночку. Он вообще любитель всякой кулинарной экзотики. Дома же, почуяв неладное, Костя сделал вывод, что баклажаны были отравлены, и что подсунул их ему Эдик. По его настоянию Люсьена позвонила в офис и потребовала от дежурного, а им – по странному стечению обстоятельств – ока-

зался все тот же Цыщев, дабы тот извлек из урны злополучную банку. Костя вполне серьезно намеревался отдать остатки ее содержимого на анализ. Цыщев вскоре доложил, что перерыл все урны, но баночки из-под баклажанов не обнаружил. Это еще сильнее распалило подозрительность Кости. С той поры в кругу доверенных лиц он именуется Эдика «отравителем». Тот, естественно, знает об этом и называет Костю – уже в своем кругу – «мнимым больным», намекая, что тот притворился отравленным именно для того, чтобы иметь повод для обвинений в адрес его, Кровалья.

– А что говорит медицина?

– Никаких ядов врачи не обнаружили. Просто Косте нельзя есть много острого. У него ведь камни. А он не удержался... – Шестоперова вздохнула: – Но Костя-то остался при своем мнении. Он так и считает, что Эдик собирался отравить его, и только своевременный вызов «Скорой» предотвратил беду. Никакие наши с Алексеем Михайловичем доводы не в состоянии поколебать это убеждение. После того случая Костя ни разу не садился за один с Эдиком обеденный стол.

– Хозяин баклажанов так и не объявился?

– Нет.

– Что говорит по этому поводу Эдик?

– Он утверждает, что таинственная баночка покинула офис тем же путем, каким в нем и появилась. То есть она кочевала либо в «дипломате» Кости, либо в сумочке Люсьены.

– В сумочке Люсьены? Он так и сказал? Выходит, он уже и ее подозревает?

– Да, в его отношении к нашей секс-бомбе тоже что-то резко повернулось. Складывается впечатление, что частичку своей ненависти к Косте он перенес уже и на Люсьену.

– Это странно! Однако продолжайте...

– Последний случай произошел совсем недавно, дней десять назад, – голос Шестоперовой дрогнул. – Придя утром на работу, Костя принялся разбирать ворох бумаг на своем столе и вдруг обнаружил под ними крысу!

– Как – крысу?! Натуральную?

– Слава богу, нет! – передернулась она. – Матерчатую или плюшевую, словом, игрушечную. Но, по его словам, большую, даже огромную! Мало того! На ее шее была затянута проволочная петля!

– Такого рода «сюрпризы» иногда подбрасывают любителям «крысятничать». Как же повел себя Костя?

– Он поднял крик, решив в первую минуту, что это живая крыса. Снова сбежался народ. Пришел и Эдик. Узнав, в чем дело, он заявил, что утром нашел в ящике своего рабочего стола... – Шестоперова наклонилась ко мне и понизила голос до шепота: – Угадайте, что?!

– Точно такую же крысу с проволочной петлей на шее, – без малейшей паузы отчеканил я.

– Совершенно верно! – кивнула она.

– Оставалось лишь сличить обе находки, верно?

– Да, но оказалось, что это невозможно.

– Почему?

– Как объяснил Эдик, он выкинул свой экземпляр в окно, выходящее в зеленый дворик. Поняв, что назревает новый скандал, Эдик тут же послал вниз Серого, ну, своего нового водителя, но тот ничего не нашел. Быть может, игрушку подобрал кто-то из детишек, гулявших во дворе.

– Значит, выброшенную крысу не видел ни один человек, кроме самого Эдика? – попытался я. – И это добавило керосину в тлеющий пожар?

Шестоперова грустно улыбнулась:

– Мой Алексей Михайлович присутствовал при этой сцене. Он рассказывал, что у всех было ощущение, будто сейчас они разругаются окончательно и насмерть. Но они как-

то странно посмотрели друг на дружку и разошлись по своим кабинетам. С этой минуты они стали вести себя по отношению друг к дружке исключительно корректно и демонстративно дружелюбно.

– Что ж, возможно, оба дозрели до мысли, что худой мир лучше доброй ссоры?

Шестоперова всплеснула тонкими, но сильными руками:

– Если бы! Они просто обезумели! Оба! Возможно, в моем изложении вы этого не почувствовали. Я рассказала об этом несуразном конфликте всего лишь со своей женской точки зрения, ведь я многого не знаю. Нельзя исключить, что есть и другие, глубоко сокрытые причины этой жуткой вражды. Но я не могу избавиться от ощущения, что оба готовятся к чему-то страшному. Причем взрыв может произойти в ближайшие дни. Точнее, в предстоящую субботу.

– Именно в субботу?

– Да!– Она нервно хрустнула своими тонкими сильными пальцами. – Дело в том, что в нынешнюю субботу нашей фирме исполняется ровно пятнадцать лет. Я вам уже говорила, что все праздники наш “генералитет” отмечает вместе с коллективом в стенах фирмы. Все, кроме одного. День рождения фирмы мы празднуем по-особому. Так уж получилось, что еще с давних пор три наши семейные пары выбирались на отдых в отдаленную деревеньку Карповку, расположенную на реке Святи, впадающей в Ладожское озеро. Вам знакомы эти места?

– Нет, знаете ли, не приходилось бывать, – сознался я.

– Скажу сразу, что Карповка не относится к престижным зонам отдыха. Далековато, удобств никаких, глухомань. Но природа там изумительная. В свое время в Карповке располагался профсоюзный пансионат “Прохладное озеро”. Вот он-то, кстати, считался по тогдашним меркам вполне приличным. Немаловажно и то, что путевки туда доставались нашим мужьям совершенно бесплатно. Именно в пансионате “Прохладное озеро” мой Алексей Михайлович, Эдик и Костя пришли к идее о создании совместной фирмы, которая вопреки всем кризисам и дефолтам оказалась на редкость живучей. И как-то очень естественно у нас вошло в обычай отмечать дату основания фирмы именно там, в бывшем пансионате, на берегу озера, и только в узком кругу. – Шестоперова нервно провела ладонью по кромке стола. – Еще недавно мы так мечтали об этом солидном юбилее – пятидесятилетию фирмы! И вот дождались... Весь коллектив, затаив дыхание, ждет, чем завершится этот праздник. Некоторые, я бы даже сказала – многие, ждут его с предчувствием беды.

– Отмените мероприятие, вот и решение проблемы, – вырвалось у меня.

– Невозможно! – с печальной торжественностью изрекла она. – Среди соучредителей нет согласия. Отказ от поездки со стороны Эдика или Кости будет однозначно воспринят всеми как проявление слабости. Мы же с Алексеем Михайловичем обязаны ехать, ну, хотя бы в качестве миротворцев. В этой ситуации мы все оказываемся заложниками друг друга.

– Минутку, Валентина Федоровна! – прервал ее я. – Не кажется ли вам, что именно этот выезд на природу должен закончиться без последствий? Элементарная логика подсказывает, что если кто-то и задумал недоброе, то проще всего это сделать в нашем мегаполисе, а уж никак не среди малолюдья глухой деревеньки.

– Есть ситуация, когда логика перестает править бал, – возразила она. – Особенно если люди находятся под влиянием психоза.

– И все же происшествия, вроде подброшенной механической крысы, еще не дают, как мне кажется, повода для серьезной тревоги.

– Значит, я плохо рассказала, если не смогла вас убедить, Дмитрий Сергеевич! – она соединила ладони перед собой. – Вот, послушайте! Эдика много лет возил Максим Петрович – человек исключительной пунктуальности и дисциплины, хотя и слабый здоровьем. Но автомобиль у него работал как часы. И вот ни с того ни с сего месяца два назад Эдик по совершенно надуманной причине уволил его, а на его место тут же взял некоего Сергея Жмырева,

за которым уже прочно закрепилось прозвище Серый. Он и вправду какой-то серый. Крайне неприятный тип! Хмурый, неприветливый, с повадками уголовника. Ладно, про уголовника я, быть может, преувеличиваю. Но есть в нем что-то опасное. Говорят, этот Серый одним ударом ладони перешибает сразу несколько кирпичей, а пальцами легко сгибает пятирублевую монету... – Она снова наклонилась над столом: – И еще: у него есть незарегистрированный пистолет. Не газовый, а настоящий. Боевой. Со смешным названием “дротик”.

– Откуда это известно?

– От Эдика, – она подняла на меня глаза, казавшиеся в эту минуту огромными и бездонными. – Он сам рассказывает об этом некоторым. С глазу на глаз. Не знаю уж, для чего ему это нужно. Быть может, в расчете на то, что передадут, кому следует? Пугает он, что ли?

– А что Костя?

– Костя недавно обзавелся газовым пистолетом и теперь не расстается с ним. Даже кладет под подушку, когда ложится спать. Об этом, кстати, он тоже рассказывает некоторым – будто бы по секрету.

– У Константина есть охрана?

– Его водитель – Виктор Асаулов – по совместительству еще и телохранитель. Его самого и, разумеется, Люсьены, – с едва заметным подтекстом произнесла Шестоперова.

– Насколько он надежен как охранник?

– В прошлом году защитил Люсьену от уличного грабителя.

– Сколько человек поедут в субботу в Карповку?

– Восемь. Три наших пары, плюс водители Асаулов и Жмырев. Едем на двух машинах – “Форде” и джипе “Чероки”. Мой Алексей Михайлович не хочет гонять попусту свою “Ауди”.

– Как долго вы планируете праздновать юбилей фирмы?

– Рассчитываем пробыть там примерно с полудня субботы до трех-четырех часов дня воскресенья.

– Понятно... Ну и чего же вы лично ждете от меня? В чем, собственно, будет состоять моя работа?

– Исключительно в факте вашего присутствия на нашем празднике, – твердо произнесла Шестоперова. – В прошлом году вы спасли доброе имя господина Нектарова, рискуя при этом жизнью. Теперь вы можете спасти доброе имя нашей фирмы, попросту проведя чуть более суток в нашей компании. Понимаете... Моим друзьям – Эдику и Косте, людям, которых я бесконечно люблю, оказавшимся во власти какого-то дьявольского наваждения, необходим отрезвляющий шок. Таким целебным шоком и станет для них одно ваше появление на нашем празднике, которое мы, конечно же, представим как совершенно случайное. Если кто-то из этих ребят и задумал недоброе, то, будучи наслышан от господина Нектарова о вас и о ваших аналитических способностях, откажется от своих планов. Готова держать пари, что именно это и произойдет! – Она смяла в пепельнице очередную сигарету.

– Если все так просто, то почему бы вам не обратиться за содействием к господину Нектарову, под крылышком которого, как я понимаю, функционирует ваша фирма? – прямо спросил я.

– Очень правильный вопрос! – охотно отозвалась она и улыбнулась: – Воображаю себе эту картину. Михаил Григорьевич тут же вызовет к себе Эдика и Костю и примется их распекать в своей манере: “Эй, молодежь! Мне тут *Валюша* рассказала про ваши заморочки... Ну-ка, признавайтесь, чего не поделили?!” Ой! – Шестоперова демонстративно поежилась. – Даже если они покаются – а это вряд ли! – все шишки в конечном итоге достанутся мне. Вместе с лаврами коварной наушницы. Ой, нет, не хочу! Не говоря уже о том, что о нашей маленькой “семейной” ссоре узнает весь деловой Питер. Нет! Этот вариант я прокручивала тысячу раз и забраковала! – Движением изящной кисти с наманикюренными ноготками Шестоперова как бы подвела черту. – Обращаться в милицию, как вы сами понимаете, еще глупее. Я склоня-

лась к тому, чтобы воспользоваться услугами частного сыскного бюро, но это тоже не лучший выход. Ведь вопрос “кто виноват?” здесь не стоит. Здесь другая проблема: как предотвратить беду? Вот почему, едва завидев вас, я поняла, что это перст судьбы! Вам, и только вам, дорогой Дмитрий Сергеевич, под силу предотвратить возможную трагедию! – снова повторила она.

– Благодарю за комплимент, но, боюсь, вы переоцениваете мои скромные возможности... Не говоря уже о том, что ваши впечатлительные друзья могут иметь противоположное мнение о моей персоне.

– О, нет! Нет! – с жаром воскликнула Шестоперова. – Вы просто не в курсе! То, что

случилось с Михаилом Григорьевичем, было предметом многих наших разговоров. И Костя, и Эдик одинаково восхищались вашим мастерством. Они не забыли той истории и побоятся действовать за вашей спиной, ручаюсь!

Тут настал и мой черед задуматься. Некоторое время я машинально разглядывал невские воды, свинцовые даже при ярком свете летнего дня.

– Вот такая тонкость, уважаемая Валентина Федоровна... Если у ваших компаньонов и вправду существуют планы, которые вы назвали недобрыми, то мое якобы случайное появление в Карповке всего лишь отсрочит их исполнение на какой-то незначительный период. А это, как я понимаю, вряд ли внесет успокоение в вашу душу.

– Нет-нет! – снова вскинулась она. – Вы просто не знаете этих ребят! Они ведь не преступники, они совершенно нормальные мужики, на которых попросту накатил какой-то морок! Одного вашего появления будет достаточно, чтобы он рассеялся. Может, былая дружба уже и не вернется, но почему бы им не стать обычными деловыми партнерами?

Я выдержал приличествующую моменту паузу, затем уточнил:

– Значит, вы, как заказчик, не будете настаивать, чтобы я искал корни конфликта между вашими друзьями?

– Упаси боже!

– Я должен просто присутствовать на вашем торжестве, оказавшись на нем якобы случайным гостем, и это мое присутствие, по вашему мнению, предотвратит готовящееся злодейство, так?

– Да, – кивнула она. – Именно так.

– А вдруг все-таки случится беда?

– Это из области фантастики!

– Ну, а если? Жизнь, знаете ли, штука скользкая. Не всегда ухватишь ее за жабры. Что тогда? Не попытаетесь ли вы переложить ответственность на меня? Вот что, по правде говоря, меня интересует особо.

Она с достоинством выдержала мой взгляд:

– Дмитрий Сергеевич! Если, вопреки моим уверениям, произойдет нечто непредсказуемое, то вся ответственность за последствия ляжет на мою совесть. И только на мою! О нашем приватном договоре не узнает ни одна живая душа, никогда. Клянусь!

– Позвольте еще один деликатный вопрос. Вы предлагаете мне приличный гонорар. Как я понимаю, из своих личных средств. Разделить эти расходы со своими компаньонами или переложить их на бухгалтерию вашей фирмы вы не сможете ни при каких условиях. Что заставляет вас идти на эти траты? Только не говорите мне про верность старой дружбе.

В ее черных зрачках промелькнули какие-то молнии, но она тут же погасила их.

– Да, вы правы... Хотя, поверьте, я люблю их обоих – и Котьку, и Эдика – и желаю им только добра. Но есть еще одно обстоятельство... Из-за их нелепых разборок фирму лихорадит уже сейчас, а любое крупное ЧП может поставить ее на грань развала. Ну а мой Алексей Михайлович слишком обременен годами, чтобы начинать сначала. Поэтому мы с ним оба

кровно заинтересованы в том, чтобы в фирме снова воцарилось согласие. Как видите, мой с мужем интерес в этом деле чисто прагматический.

С минуту мы просидели в молчании.

– Итак... вы согласны? – тихо спросила она.

– Я должен подумать. Позвоните мне завтра в это же время.

2. НЕТ НИЧЕГО ПРОЩЕ...

Собственно, размышлять тут было не о чем. В моей жизни, как нарочно, началась полоса финансовых трудностей, и я готов был взяться за любую работу, если только она не вступала в антагонистическое противоречие с Уголовным кодексом.

Единственное, что смущало меня в предложении Шестоперовой, это чрезвычайная простота заказа. Никогда еще мне не выпадало столь непыльной работенки. Все же я не кинозвезда, чтобы за меня работало мое имя.

Возникло логичное предположение, что здесь что-то не так, что Шестоперова чего-то не договаривает, хотя мотивы ее побуждений казались очевидными.

Поэтому, прежде чем дать ответ, я решил проверить полученные сведения по своим каналам. Не то чтобы Шестоперова, эта элегантная женщина, вызвала у меня какие-либо подозрения. Просто она сама могла не знать некоторых важных обстоятельств происходящего или же трактовать их в ином ключе. Тем более что в этой истории фигурировал – пускай и на дальнем плане – хорошо известный мне господин Нектаров...

Невольно я перенесся мыслями на год назад.

Как раз в тот период над головой крупного питерского коммерсанта Михаила Нектарова начали сгущаться грозовые тучи. Поговаривали, что один из его помощников, некто Т., активно сотрудничает с прокуратурой и уже начал давать показания против своего босса. И вот однажды вечером этого самого Т. находят мертвым в его собственном автомобиле. Отравление весьма необычным ядом! Причем многочисленные улики указывали непосредственно на Нектарова, который в тот же день был задержан и препровожден в следственный изолятор.

Через своего адвоката коммерсант развил бурную деятельность. В частности, обратился к бывшему школьному приятелю, занимавшему крупный пост в городской администрации. Полагаю, административный туз даже на ноготь не верил в невиновность Нектарова, однако и отказать в помощи человеку, с которым сидел когда-то за одной партией, он тоже не мог. Поэтому туз принял соломоново решение: поручил некоему юристу создать видимость усилий по спасению коммерсанта, угодившего в жернова правосудия.

Видимо, вы уже догадались, что этим юристом-громоотводом стал я.

На целый месяц пришлось с головой окунуться в ситуацию вокруг господина Нектарова. Сказать по правде, это был прирожденный мошенник, законченный взяточник, вор и казнокрад высшей пробы, по которому плакала тюрьма. Но в отравлении своего помощника Т. он не был виновен ни на йоту – такой вот оказался вывод! То есть, не исключая, что Нектаров всерьез подумывал о том, как бы навсегда заткнуть рот опасному свидетелю, но его опередил маньяк-отравитель по прозвищу Грибник, на счету которого было уже не менее полудюжины других жертв. Мне удалось вычислить этого *тихого* убийцу, свившего гнездо по соседству с офисом Нектарова. Грибник был взят с поличным и полностью признался во всех совершенных им убийствах, включая отравление Т.

С другой стороны, следствие совершило непростительную ошибку, выстроив линию обвинения против Нектарова лишь на основе факта отравления его помощника.

Они решили, что так будет проще, и просчитались.

Изобличение Грибника плюс грамотная атака команды прожженных адвокатов не оставили от обвинения камня на камне. Нектаров был оправдан по всем статьям. Что называется, вышел гусь сухим из воды.

Прежде всего, он устроил шумное шоу, призванное напомнить деловому Петербургу, что Михаил Нектаров – честный, скромный и добропорядочный негодяй. В частности, в программе увеселений значилась ночная прогулка по Неве, на которую я получил от него perso-

нальное приглашение. Я согласился только из желания увидеть процесс разводки мостов, а также полагая, что плавать мы будем на небольшом катере.

Оказывается, я так и не понял всей широты натуры господина Нектарова. Он зафрахтовал целый теплоход, куда пригласил не менее двух сотен гостей, не считая журналистов и музыкантов. Столы были накрыты по высшему разряду, и практически каждый второй тост Нектаров провозглашал в мою честь.

Как теперь выясняется, среди гостей находились и совладельцы фирмы “Шевалье” с женами. Правда, сейчас я не мог бы вспомнить ни одного лица. В памяти остались лишь блески на волнах, усталость, испорченное настроение. Но вполне допускаю, что какая-то часть гостей могла отнестись к моей роли в судьбе Нектарова с повышенным вниманием. Все же они были его вассалами, а он – их сеньором.

Разумеется, он пел мне дифирамбы вовсе не в знак признания каких-либо моих заслуг. Для него это было еще одним средством публично напомнить собравшимся о собственной невинности, чтобы не сказать – святости. Получив с моей раздачи джокер, этот махровый шулер умело пользовался им до сих пор, гребя отовсюду без зазрения совести.

Итак, совладельцы фирмы “Шевалье” – вассалы господина Нектарова. Не случайно же Шестоперова во время нашей беседы уважительно упомянула его имя не менее десятка раз...

Я сформулировал ряд вопросов и переадресовал их Н.Н. – своему информатору-хакеру, который, не выходя из дома, но располагая при этом безграничным банком данных, снабжал меня разнообразными сведениями за сравнительно небольшую плату.

Ответ не заставил себя долго ждать и не принес особых неожиданностей.

Мне уже было известно, что Нектаров еще в прежние времена занимал важный пост в одном из районов города. Но теперь выяснилось, что Шестоперов был у него заведомом, а Вздорин и Кроваль входили в когорту комсомольских вожаков того же района. Словом, эти ребята давно находились в одной связке, хотя и тогда, и сейчас занимали места на разных ступенях иерархической лестницы. Нектаров, понятно, оторвал кусок пожирнее, но и те не остались с пустым карманом. Фирма “Шевалье” дает стабильный доход, имеет наработанные связи... Охотно допускаю, что Нектаров расхваливал меня перед своими вассалами по изложенной выше причине. Наверняка, у тех что-то отложилось в памяти. Вот почему Шестоперова и решила обратиться именно ко мне.

Я знал также, что Нектаров, при всей своей многоопытности и хитрости, не обладает тем, что принято называть внутренним кодексом чести, который присущ даже ворам в законе. Человека, доверившегося ему, он мог – при определенном стечении обстоятельств – легко смешать с грязью. Оттого-то Шестоперова не пошла к нему за помощью. Совладельцы фирмы тоже не пошли. Никто из них не горел желанием оказаться в роли козла отпущения.

Вот что еще сообщил мне мой информатор.

Эдуард Кроваль действительно развелся в прошлом году с бывшей женой Жанной Анатольевной, девичья фамилия Ворохова, и сочетался новым браком со своей сотрудницей Ириной Игоревной Токмаковой, двадцати четырех лет. Причем новоиспеченные супруги подписали брачный контракт.

Жмырев Сергей Николаевич к уголовной ответственности не привлекался. Служил в ВДВ. Имеет постоянную питерскую прописку. Похоже, однако, что в течение длительного периода, порядка восьми лет, он появляется в городе только эпизодически. В списках налогоплательщиков его фамилия впервые промелькнула лишь прошлой осенью, когда он устроился охранником в кафе на Петроградской стороне. С мая нынешнего года Жмырев – водитель фирмы “Шевалье”.

В мае же Константин Вздорин купил в оружейном магазине на Московском проспекте короткоствольный газобаллонный пневматический пистолет, на приобретение которого не требуется специального разрешения МВД.

Дотошный Н.Н. сумел даже извлечь из небытия прошлогодний список гостей, приглашенных на борт того самого теплохода. В списке значились все три совладельца фирмы “Шевалье”. С женами. Кровалья ждали, естественно, с его тогдашней женой Жанной.

Словом, все, о чем говорила мне Шестоперова, подтвердилось с точностью до мелочей. Вдобавок погоду на выходные дни обещали солнечную.

Когда Шестоперова перезвонила, я ответил, что возражений не имею.

* * *

Мы встретились с ней в том же кафе.

Она принесла деньги. Сразу и все

Я растолковал ей, что заказы так не оплачиваются. Сначала аванс, а остаток – после завершения акции.

Она ответила, что настолько доверяет мне, что не видит смысла в подобном делении суммы.

Я все же посоветовал ей всегда придерживаться установленных правил и взял только аванс.

Затем мы обсудили ряд практических деталей.

Шестоперова подтвердила, что поездка намечена на субботнее утро. На месте они будут предположительно около полудня. Затем виновато пожаловалась:

– Я так и не придумала, как же внедрить вас в нашу компанию, чтобы все выглядело естественно и правдоподобно.

– Это моя забота, – я поспешил успокоить ее.

– Но я могу узнать о ваших планах?

– Разумеется. Я выеду в Карповку с таким расчетом, чтобы оказаться там в пятницу вечером, а поселюсь в известном вам пансионате.

– Не получится! – с огорчением вздохнула Шестоперова. – Груздев, администратор лагеря, вас не поселит. Он ведь предупрежден о нашем мероприятии. Понимаете, мы ему немного доплачиваем, а он, ради нашего покоя, отваживает от лагеря посторонних.

– Ничего страшного. Остановлюсь у кого-нибудь из местных.

В ее глазах вдруг заплясали веселые зайчики:

– Пойдите! Идея! То, что нужно! В Карповке, недалеко от сельмага, живет Афанасий Петрович – дедушка Жанны.

– Дедушка Жанны? Той самой?

– Неужели я вам не говорила?! – всполошилась Шестоперова. – Да-да, Жанна имеет корни в Карповке! Сама она стопроцентная горожанка, но ее отец, ныне покойный, был уроженцем Карповки. В детстве Жанночка проводила в деревне каждое лето. Собственно, только благодаря ей мы все приобщились к тамошним красотам... Ну, вот. Ее девичья фамилия – Ворохова. И дедушка Афанасий тоже Ворохов. У них большой дом – на шесть или семь комнат, в которых дедуля остался совершенно один, поскольку его половина – баба Феня – еще в мае оступилась с лестницы и сломала ногу. Сейчас лежит в больнице в Лодейном Поле.

– Если так, то это действительно оптимальный вариант.

– Но только учтите один нюанс. – Шестоперова нежданно смутилась. – Дедушка Афанасий, как бы это сказать... немного не в себе. Маленькие проблемы с памятью. Его в деревне так и зовут – “тут помню, тут не помню”. Нет, он добрый старик, совершенно безобидный, забавный даже... Вы просто не обращайте внимания на его чудачества. А еще лучше – дайте ему немного денег. Ну, десять рублей, двадцать. А взамен попросите на время какую-нибудь вещицу – ну, хотя бы кусочек тесемки, да попросите, чтобы он сам завязал на ней узелок: тогда он будет помнить вас...

– Уверен, что с дедушкой Афанасием мы подружимся, – кивнул я. – Но вот о чем, признаться, я сейчас подумал. Вчера вы говорили, что супруги Кровали расхоронились со скандалом,

что Жанна будто бы осталась в обиде. Не появится ли она завтра в лагере с целью устроить бунт на корабле? Вообще, что она за человек – Жанна, чего от нее можно ожидать? Расскажите мне немного о ней.

По ухоженному лицу Шестоперовой пробежало легкое облачко.

– Жанна – необыкновенно обаятельная женщина. Эдик попросту не сумел по достоинству оценить сокровище, которое оказалось рядом с ним. Жанна и вправду одно время была на него в большой обиде. Ведь он обманул ее при разделе имущества. Ее и дочку Юлечку. Но позднее, когда стало совершенно ясно, что Эдик прокололся с Ириной, у Жанны появился шанс вернуть его. Поэтому она не станет вредить Эдику. Ни в чем. Скорее, поможет ему, чтобы ускорить процесс воссоединения прежней семьи. Погулял, и довольно.

– Она знает о конфликте между ее бывшим мужем и Костей?

– Знает, конечно, и не только с моих слов. Но куда сильнее ее волнуют сейчас отношения Эдика с Ириной. Она ждет, когда этот нелепый брак развалится окончательно.

– Вы уверены, что она не появится на субботнем юбилее?

– Она умница и понимает, что Эдику это наверняка не понравится, а ей сейчас не имеет смысла раздражать его. Впрочем, зачем гадать? Я ведь могу позвонить ей и спросить о намерениях.

– Полагаю, такого рода информация не будет лишней, – заметил я. – Если что, постарайтесь отговорить ее от поездки. В этой ситуации нам не нужна темная лошадка.

– Позвоню сегодня же вечером, – пообещала Шестоперова. – А далее сделаем так. Как только наша компания приедет в Карповку, я сразу же отправлюсь к дедушке Афанасию будто бы за маникюрным набором, который оставила там в прошлый раз. И там, к своему изумлению, я повстречаю вас и, конечно же, приведу вас в лагерь. Вот только вам надо будет придумать убедительную причину, которая привела вас в деревню. Слишком уж невероятное совпадение, вы понимаете, что я имею в виду?

– Не волнуйтесь, по этой части я специалист.

– А я уже и не волнуюсь. Просто верю, что все у нас будет хорошо!

3. ПОЕЗДКА В ЛЕСНУЮ ГЛУШЬ

В пятницу в 18.15 я выехал электричкой с Московского вокзала на Лодейное Поле. Дорога предстояла неблизкая, и я запасся прессой. По привычке первым делом перелистал все подряд, отмечая наиболее интересные материалы.

Первое время я еще пытался сосредоточиться на чтении, но постепенно мои мысли сами собой переключились на предстоящую мне миссию.

Я оторвался от газетной полосы и посмотрел за окно. Там по-прежнему тянулся бесконечный хвойный лес.

Итак, Костя и Эдик...

Если кто-то из этих ребят действительно “задумал недоброе”, то он должен четко понимать, что ему придется обвести вокруг пальца не только возможное следствие (это, вероятно, не так уж и сложно), но и того же господина Нектарова, своего *сеньора*, ушлого, подозрительного типа, съевшего собаку на подобных разборках. То есть, потенциальный злоумышленник должен проявить *исключительную изобретательность*, сочинить безукоризненный сценарий с двойной гарантией неуязвимости.

При этом нельзя исключить вариант, что свой сценарий сочинил каждый из них.

А если это так, если существует два тщательно продуманных и подготовленных сценария, то почему, собственно, их авторы должны трубить отбой при моем появлении? Если план хорош, то мое присутствие никак не помешает его воплощению умного замысла. Вот так-то...

У меня вдруг появилось ощущение, что я ввязался в игру, которая может оказаться мне не по зубам.

А, впрочем, какие у меня основания паниковать, да еще раньше времени, задал я себе резонный вопрос?

Между тем, электричка уже преодолела немалую часть пути. Где-то позади остались промышленные и строительные зоны. По всему чувствовалось, что поезд катит куда-то в глубь малонаселенных пространств. Быстро промелькнул за окнами домики тихого садоводства, небольшой поселок, железнодорожный переезд или просека с высоковольтной линией, и снова к насыпи подступает с обеих сторон бескрайний хвойный лес с проплешинами темных болот.

В какой-то момент я задремал.

Проснулся, будто где-то внутри зазвонил крохотный будильник.

Электричка замедляла ход, въезжая на мост через полноводную реку, чем-то напомнившую мне Неву в ее верхнем течении.

“Святить”, – произнес чей-то голос.

Я встал и направился к тамбуру.

Высадив десятка два пассажиров, электричка покатила дальше.

Часы показывали половину десятого вечера, но солнце стояло еще высоко.

Я огляделся.

Кроме дощатого навеса, вокруг не виднелось никаких других строений. Рядом с платформой на пыльной грунтовой площадке стоял допотопный автобус с выступающим мотором, какие увидишь разве что в старом кино. В просвете между деревьями виднелся еще один мост – автомобильный. Транспорт шел через него двумя оживленными встречными потоками. Похоже, там проходила мурманская трасса. Сошедшие вместе со мной пассажиры быстро занимали места в автобусе. Выяснив, что он идет в Карповку, я последовал их примеру.

Дорога представляла собой узкую асфальтированную ленту, которая, похоже, ремонтировалась последний раз еще при царе Горохе. Пролегала она вдоль правого берега Святости, повторяя, естественно, все извивы и повороты реки. С левой стороны по ходу нашего движения тянулась бесконечная стена хвойного леса – мрачного, влажного, заросшего вьюном и

кустарником, сквозь который местами проглядывали гигантские серые валуны. Порой дорога заметно отклонялась от реки, тогда лес подступал и с правой стороны, причем местами широкие лапы сосен смыкались в вышине над разбитым асфальтом, образуя своеобразную зеленую аркаду. Но были и такие участки, где дорога буквально прижималась к реке, казавшейся здесь, в природном обрамлении, более полноводной, чем из окна электрички. На противоположном берегу лес выглядел диким и рос еще выше, нависая над самой водой.

Старенький автобус катил не очень-то резво. Нас обогнали пять или шесть легковых автомобилей, под завязку набитых пассажирами. Зато встречных не было вовсе.

Мои спутники клевали носом, очевидно, разморенные утомительной дорогой. Я успел заметить, что все они были знакомы между собой – в той или иной степени. Поймал я на себе и несколько мимолетных взглядов: что, мол, за птица движется в наши края? Но навязчивого интереса никто не проявлял. По крайней мере, открыто. Очевидно, в деревне привыкли к гостям из города.

Примерно через четверть часа дорога поднялась на небольшой пригорок, за которым картина разительно изменилась.

Чуть впереди река Святая делала широкий плавный поворот. Лес на противоположном берегу отступил далеко в сторону, освободив место привольному лугу с высокой травой, казавшейся отсюда изумрудной.

На нашем берегу, сразу же за поворотом реки, стояла деревня, не сказать чтобы маленькая и захудалая. Во многих дворах виднелись автомобили, дома были крыты железом и черепицей, причем, на каждой второй крыше разместилась тарелка телеантенны.

Главная деревенская площадь, тоже выходящая к реке и частично замощенная утрамбованным гравием, смотрелась отсюда как на ладони. Езды до нее оставалось, полагаю, не более двух минут.

В этот момент я заметил у дороги покосившийся щит с едва различимой надписью “Пансионат “Прохладное озеро” – 200 метров” и неожиданно для себя изменил свой первоначальный план.

Быстро поднялся и, пройдя вперед, попросил водителя остановиться у щита.

Отсюда вглубь леса вела хорошо протоптанная тропинка, терявшаяся среди светлоствольных корабельных сосен.

Правда, сначала нужно было пересечь дорогу.

Я подождал, пока автобус тронется с места.

Пассажиры, все до одного, с любопытством пялились на меня.

4. ТИХИЙ УГОЛОК

Я прошел по тропинке даже меньше двухсот метров, когда лес расступился, как бы подсказывая мне, что я пересек живописную перемычку, отделявшую реку Святы от озера Прохладного.

Озеро лежало сейчас передо мной во всей своей красе. Своей формой оно напоминало гигантскую стилизованную подкову, обращенную в мою сторону своей выпуклой частью. Густой лес, покрывавший противоположный холмистый берег, отражался в водной глади как в зеркале. Примерно посередине озера над поверхностью воды красовался небольшой островок, на котором росло с полдюжины березок. Идиллическую картину несколько смазывал вид полузатонувшего прогулочного катера, задранный кверху нос которого выступал чуть сбоку от правого мыса островка.

Ближний ко мне – плоский берег озера представлял собой просторную лужайку, окаймленную с трех других сторон березовыми стайками с вкраплениями пушистых голубых елей. Помимо этой естественной границы, территория базы отдыха была отделена от окружающей местности еще и невысоким ограждением из сваренных впритык проволочных секций, выкрашенных синей краской. Ближняя к озеру секция вдавалась в воду на пару метров, опираясь на щербатый бетонный столбик. Впрочем, в ограждении имелись и калитка, и ворота.

Там, внутри, вдоль берега выстроились в два ряда восемь летних домиков, которые лишь близорукому могли показаться веселенькими. На переднем плане виднелся врытый в землю большой дощатый стол с расставленными вокруг него скамейками из тяжелых чурбаков.

В самом дальнем углу лужайки, под лесом, была растянута двухместная палатка защитного цвета. Рядом с ней стоял грузовичок-фургон, оснащенный компактной буровой установкой.

На первый взгляд, лагерь был совершенно необитаем. Но все же я успел заметить, как при моем появлении шевельнулся полог палатки.

Про палатку, помнится, Шестоперова ничего мне не говорила.

Не успел я приблизиться к проволочному ограждению, как из-за угла ближайшего домика выбежала огромная черная собака, явно беспородная, и залилась угрожающим лаем. Следом с той же стороны показался высокий, чуточку сутуловатый мужчина преклонных лет, но выглядевший таким крепким и энергичным, что я не рискнул бы называть его стариком.

– Я извиняюсь, ищите кого-нибудь или просто гуляете для своего удовольствия? – спросил он густым басом, подходя ближе и одновременно кивая в знак сдержанного приветствия, а вдобавок, отмашкой руки, приказывая собаке умолкнуть.

Я поздоровался, затем объяснил, что ищу кого-либо из персонала пансионата, поскольку имею намерение поселиться здесь на два-три дня.

Мы стояли друг против друга, разделенные проволочной сеткой, доходившей до уровня груди. Наверняка черный пес, даже беспородный, перемахнул бы эту изгородь одним прыжком.

Что касается его хозяина, то мой ответ привел того в явное замешательство.

– Сколько вас человек? – спросил он, что-то прикидывая про себя.

– Я один.

– А... где же ваша машина?

– Я приехал на автобусе. В служебную командировку. Устал с дороги и хотел бы быстрее расположиться на отдых.

Он слушал меня с возрастающим недоумением. Собака, кажется, тоже.

– В служебную командировку? В Карповку? На выходные дни? Да ведь у нас тут ничего нет! Лес уже лет восемь как не рубят.

– Я по юридической линии. Подробней распространяться не могу. А документы мои вот, пожалуйста, – я протянул ему одну из своих “ксив”, запас которых имел на все случаи жизни.

Некоторое время он внимательно изучал удостоверение, беззвучно шевеля губами. У него было грубоватое, заросшее седоватой щетиной лицо деревенского мудреца, в чертах которого житейский опыт и хитровая сметка удивительным образом сочетались с простодушием и легковёрностью.

– Дмитрий Сергеевич, значит? Из ин-юр-коллегии? – Он пару раз стрельнул водянистыми глазами, будто сличая фотографию с оригиналом. – Понятно... Вот, возьмите. – Приосанился. – А я – Груздев Сидор Тихонович, директор, так сказать, здешней зоны отдыха...

– Директор? Вот и чудесно! Я вижу, свободные места у вас есть. Прошу дать указание администратору, чтобы меня поселили.

– Эх, дорогой Дмитрий Сергеевич... – вздохнул он. – Приехали бы вы в наши места лет этак двенадцать-пятнадцать назад! Вот тогда у нас действительно был пансионат! Одних коттеджей тридцать штук стояло. Столовая имелась, здравпункт, летний кинотеатр. Катер прогулочный курсировал. Водяные велосипеды выдавали напрокат. А путевок было вообще не достать! Только по большому благу. Эх, да что там... – Он вздохнул еще горше. – Персонал разбежался, катер утоп, отдыхающие... Кто побогаче, те на Канарах да Багамах, в Анталье и на Кипре, ну а беднота скорее поедет на Разлив, чем в нашу глушь. Захирело все! Сплошное запустение...

– Сочувствую, Сидор Тихонович, но я человек неизбалованный, мне лишь бы голову к подушке приклонить. Тем более у вас тут такая красота!

– Да, места у нас изумительные, – согласился он. – Потому и старые клиенты не забывают. Вот и завтра одна компания пожалует. Уже предупредили. “Новые русские”!

– Ага! А вы говорите – Канары!

– Ну-у, тут особый случай. Просто одна женщина из этой компании, Жанна Ворохова, имеет родню в нашей деревне. Да только слышал я, что развелась она с мужем, с Эдуардом, то есть, так что гулять завтра будут уже без нее.

– Большая компания, что ли? – как бы из вежливости осведомился я.

– Не-е... Неполный десяток человек.

– Всего-то? А у вас восемь домиков. Поместимся уж как-нибудь.

– Из этих домиков половина – в аварийном состоянии. Того и гляди, крыша провалится.

– Так я не капризный, и на веранде могу.

– По правде говоря... – он смущенно вздохнул и понизил голос: – Я-то лично не против, но тут такая закавыка: они оплатили все места. Хотят праздновать без посторонних.

– Вот как? – удивился я. – Но ведь у вас тут даже “дикари” обитают, палаточка вон стоит в уголке...

Он оглянулся.

– Да, палатка. Только это не “дикари”. Бригаду из конторы прислали. Теннисный корт будут делать. Не знаю только, когда начнут. Пока что они нашу клюквянку осваивают, ну, бражку...

– У вас, Сидор Тихонович, оказывается, “новые русские” веселятся, бригада спортплощадку строит – какое же это запустение? – снова вставил я, чувствуя, что мой ушлый собеседник определенно юлит.

– Э-э, долго рассказывать.

– Кстати, а что у нас за праздник завтра? Какое такое великое событие собираются отмечать ваши гости? Что-то я давно не заглядывал в календарь...

Он почесал коротко стриженный затылок:

– Я так думаю, что праздника этого в календаре нет. Какой-то там у них юбилей. Но отмечать будут крепко.

– Дров не наломают? Домики ваши не пожгут? – забеспокоился я.

– Ну что вы! – запротестовал он. – Народ все серьезный, ответственный, из бывших. Алексей Михайлович, тот один может выкушать бочку, и ни в одном глазу. Константин пьет только коньяк, маленькими глоточками, как раз пол своему нутру, и никогда не напивается. Эдуард, правда, может нажраться, и тогда уж точно полезет в бутылку. Прежде-то Жанна лихо его урезонивала, а теперь вот не знаю. Новой его супружницы не видал ни разу. Понятия не имею, что за фифочка. Слышал только, что молодая, чуть не в дочки ему годится. – У моего собеседника вдруг развязался язык: – Да я же знаю их как облупленных лет пятнадцать, если не двадцать! Алексей Михайлович раньше был для них царь и бог! Эдик и Костя каждое его слово на ус мотали, лишнюю рюмку опасались при нем выпить! Хотя он не запрещал. Замечательный человек Алексей Михайлович! Веселый, щедрый, душа нараспашку! Он и сейчас таким остался. Вот голову даю наотрез – пригласит завтра на шашлыки! И его жена Валюша – милейшая женщина! Всегда доброе слово найдет, а то и гостинчик для внука передаст. А вот Эдик и Костя – фрукты! Новая генерация! Нет, раньше они были другими. А может, проще. Все время подшучивали друг над дружкой, но до злобы у них никогда не доходило. А сейчас смотрят один на другого волками, за всякую мелочь цепляются... И уже Алексей Михайлович для них не указ. Огрызаются, по-своему сделать норовят. Ну, а я для них и вовсе вроде пустого места. Костя, тот еще ничего, поздороваётся, о погоде расспросит. А Эдик может даже не заметить. Бизнесмен! Хозяин жизни! Не знаю только, на чем он бизнес свой сделал. Вот таких людей вырастили на свою голову. Жанну мне жалко, дочку ее, Юлечку, еще жалче... Не сумела-таки наша Жанночка обломать этого носорога. Нашла коса на камень! Вот Люсьена – другое дело. Ох, лисица! Вертит Костей, как хочет, и все мягкой лапкой. Он же без ее совета лишнего шагу не ступит...

Я весь обратился в слух, но Сидор Тихонович так же внезапно переменял тему:

– Так что же мне делать с вами? Я вам так скажу: даже если бы не завтрашняя гулянка, останавливаться на базе вам все равно не с руки. Удобств никаких, даже телевизора нет... – Он задумался ненадолго. – Эх! Я вижу, вы человек серьезный, положительный и вроде бы не сильно пьющий. Да у нас в деревне таких гостей чуть не в каждом доме примут. Вот, правда, сейчас на выходные, да еще по хорошей погоде, ко многим родня понаехала из города. Взял бы вас к себе, да у меня семья большая, шумно, маленькая ребятня, вам не понравится. – Тут он с силой хлопнул себя по лбу: – Так я отведу вас, пожалуй, к старому Ворохову! Дом большой, а живет он один. Вы согласны немного заплатить вперед?

– О чем разговор?!

– Так пойдемте прямо сейчас, пока он не уснул, а то у нас в деревне старики спят крепко, из пушки не разбудишь!

Я кивнул, выражая согласие с его предложением.

Груздев вышел через калитку, закрыл ее за собой на символический засов и наказал собаке:

– Полкан! Я скоро вернусь! А ты сторожи строже! Блиско никого не подпускай!

Сказано это было нарочито громко, наверняка с таким расчетом, чтобы услышали в палатке.

Пес Полкан, несмотря на беспородность, отличался, кажется, сообразительностью, если судить хотя бы по тому, что он ни разу не прервал своим лаем нашей с Груздевым беседы. Вот и сейчас, мотнув лохматой мордой, пес с важным видом затрусил к линии домиков.

– Эх, Дмитрий Сергеевич! – снова обратился ко мне Груздев. – Вот вы тут обронили

фразу, дескать, отдайте, как директор, распоряжение персоналу... Помилуйте! Какой персонал! В моем лице перед вами находится равным счетом весь персонал пансионата! Ибо я – и директор, и администратор, и электрик, и кладовщик, и уборщик, и сторож... – Он мель-

ком огляделся вокруг: – Нет, сказать по правде, сторожем оформлена моя жена. Но у нее и по дому работы хватает. Вот я и дежурю за нее. В будние дни еще ничего, свои-то сюда не полезут. А вот в выходные, когда наезжают из города, надо держать ухо востро. Да еще эти спортсмены-строители, – он кивнул на палатку, – так и поглядывают, что и где плохо лежит...

Двигаясь по тропинке, мы подошли к границе лужайки, где начиналась узкая полоска леса.

Директор-сторож остановился на миг и очертил рукой панораму озера:

– Не там поставили лагерь, ох, не там!

– Отчего же не там, Сидор Тихонович? – удивился я. – Пейзаж такой, что сам просится на рекламный ролик.

– На будущий год этому пансионату исполнится полвека, – вздохнув в очередной раз, пояснил Груздев. – Задумывался он как база отдыха для лесорубов, участки которых были рассредоточены в ту пору вдоль всех приладожских рек. А лес тогда сплавливали по воде. Порой в реке воды не было видно, одни бревна. Потому и поставили пансионат на озере. Да не учли, что оно – Прохладное. Со дна бьют холодные ключи, и потому даже в жаркий день водичка такая студеная, что особо не поныряешь. Но выбора тогда не было. А лет тридцать назад сплавливать лес по местным рекам запретили. Вода в Святии постепенно очистилась, а вода там ласковая, приятная, теплая, как парное молоко. В реке народ и купается. И рыбы там больше. Даже пацаны редко заглядывают на озеро, не говоря уже о ветеранах. Но тому есть еще одна причина...

Мы миновали полосу леса и вышли к дороге в том самом месте, где я сошел с автобуса. За дорогой откос плавно сбегал к реке. Кроны плакучих ив нависали над водой.

С нашей стороны дороги, напротив, местность начинала плавно повышаться, переходя в гряды невысоких холмов, которые, очевидно, и образовывали дальний берег озера. Весь этот участок был покрыт лесом: ближе к дороге – лиственным, на холмах – хвойным.

Вдруг мне показалось, что на ближнем склоне в просвете между деревьями промелькнул каменный крест. Второй, третий...

Невольно я остановился.

Остановился и Груздев, а затем, будто подтверждая мою догадку, вытянул руку по направлению к склону:

– Здесь у нас старинное кладбище. Называется Инженерным. Ведь в этих краях еще полтора столетия назад хозяйствовал лесопромышленник Фазанников. В Карповке находилась его главная сплавная контора. И будто бы желал он утвердиться здесь прочно, навсегда. Лесопилки ставил, мельницы, бумажные фабрики. Инженеров заграничных приглашал. Тут у них и усадьбы стояли. Да, видно, не судьба. Одного инженера деревом придавило, второй замерз по пьянке, третий вроде бы сам повесился – и все в один год. Ну, а поскольку были они не нашей веры, не православные, то похоронили их отдельно, вот как раз туточки. Так и повелось. Преставится кто из начальства, здесь и хоронят. И кладбище оттого назвали Инженерным. А у Фазанникова дела и вовсе пошли наперекосяк. Что-то пожары сожрали, что-то он в карты проиграл... Умер он тоже нехорошо, страшно. Будто бы отрекся от веры и той же ночью сгорел в своем доме вместе с любовницей. Похоронили обоих на Инженерном. Богато похоронили. Склеп поставили. До сих пор стоит. А только место это нехорошее. Сатанинское. Все плохое, вся жуть случается почему-то именно там. Отдыхающего одного убили лет семь назад. А в позапрошлом году пропал начальник арболитового цеха. Месяц искали. С собаками. По всей округе. Самые дальние делянки осмотрели. Не нашли. А только сунулись на Инженерное кладбище, там он лежит, бедолага, и в аккурат в склепе Фазанникова, распух уже весь. Не-ет, во всей деревне по доброй воле туда не пойдет ни один человек, особенно после заката. Теперь вы понимаете, что я имел в виду, когда говорил, что пансионат поставили не там?

Итак, меня ознакомили с образчиком местного фольклора.

Груздев определенно втягивал меня в душевный разговор.

Мы двинулись по обочине к деревне, до ближайшего двора которой отсюда было рукой подать. Значительной своей частью Карповка лежала вдоль реки, но по отдельным приметам чувствовалось, что и в сторону леса она выбросила немалые клинья.

Груздев по-прежнему исполнял роль гида:

– Перед вами – центральная площадь. Там магазин, там бывший клуб, а там администрация... Только из начальства сейчас вы никого не найдете. Председатель, или по-нынешнему, глава, в отпуске, а заместители укатили на выходные к родным в город. Видите желтую полосу песка вдоль берега? Это наш пляж. Сейчас там несколько пацанов да какая-то парочка, а завтра народу будет как в Сочи, не протолкнешься. Город понаехал! Сейчас свернем в этот проулок, а там уже и дом дедушки Афанасия, третий от угла. Уф! Отдышусь малость...

Груздев остановился, хотя вовсе не выглядел уставшим. Его глазки сузились в простецки-лукавом прищуре:

– Так вы, значит, из инюрколлегии? Это не та, которая наследников ищет по всему миру? Неужто у нас в Карповке обитает будущий миллионер? Это кому же так повезло? Да вы не волнуйтесь. Груздев молчать умеет! Могила!

Только сейчас я понял этого человека.

Он предлагал мне *бартер!*

Зря он, что ли, рассказал мне столько местных новостей и секретов, не утаив даже того обстоятельства, что подменяет на работе дражайшую половину, которая оформлена сторожем!

Взамен он рассчитывал на определенную доверительность и с моей стороны. Обладание же конфиденциальными сведениями о залетном столичном госте придавало бы ему весу в собственных глазах.

Нельзя, никак нельзя было обмануть ожиданий честного служаки! Интуиция подсказывала, что почтенный Сидор Тихонович еще пригодится мне и как источник информации, и как передаточное звено.

Но чем же мне утешить его любопытство?

И тут мне в голову пришла довольно оригинальная мысль, на которую, собственно, навел меня мой собеседник.

Я огляделся по сторонам, после чего заговорщически прошептал:

– Только сугубо между нами, Сидор Тихонович... Мне бы не хотелось, чтобы мой визит в Карповку получил какую-либо огласку. Наша контора предпочитает работать без шума.

– Дык... разве ж я не понимаю! – Он молитвенно сложил руки на груди.

– Ну, слушайте. Инюрколлегия занимается не только поисками наследников, но и такими деликатными проблемами, как, к примеру, установление факта смерти того или иного физического лица. Вот вы рассказали мне об Инженерном кладбище, а ведь не подозреваете даже, что именно там я должен разыскать одну старую могилу...

– Чью? – невольно вырвалось у него.

– Всему свое время, дорогой Сидор Тихонович! Для начала я должен установить факты и передать телефонограмму в наш центральный офис. Там изучат мои сведения и через день-другой дадут ответ. Не исключено, что мне понадобятся свидетельские показания для оформления соответствующего акта. Ответьте мне честно, в таком случае я могу рассчитывать на вас?

– Да за милую душу! – воскликнул он, совершенно успокаиваясь. Он узнал *тайну!*

Мы продолжили путь и в считанные минуты добрались до изгороди из жердей, за которой, как выяснилось, и находился двор дедушки Афанасия.

У простенькой калитки Груздев снова остановил меня:

– Совсем забыл вас предупредить. У старика неважнецкая память, особенно на лица. Но это не страшно. Вы прямо сейчас купите у него хотя бы даже за рубль какую-нибудь безде-

лушку, ну, к примеру, пуговицу. А завтра, если он вас не признает, покажите ему эту пуговицу и скажите: “Помнишь, дедушка, как торговались вчера?” И он в момент вас узнает.

– Может, не совсем удобно проситься на ночлег к больному человеку? – засомневался я.

Груздев понял меня по-своему:

– Да он не опасный, тихий! Никакого беспокойства от его болезни вы не почувствуете!

– Ну, будь по-вашему.

Мы вошли во двор, типичный для Карповки: бревенчатый дом в полтора этажа с высоким крыльцом и резными ставнями, покосившиеся сараюшки и пристройки, поленница дров под навесом, общим с приземистой банькой, сирень и черемуха вдоль забора, далее – цветник, грядки, ягодный кустарник, яблони...

Хозяина заметили не сразу.

Дед Афанасий – худенький, шупленький, с всклокоченной бородкой и загорелой лысиной в венчике седых волос – стоял в углу двора и кормил домашнюю птицу. Его поношенная клетчатая рубашка была выпущена поверх грубых брюк, а старые, какие-то допотопные калоши он носил на босу ногу.

Похоже, дедуля неплохо приложился к знаменитой карповской клюквянке, ибо его движениям определенно недоставало координации.

– Тук-тук! – окликнул его Груздев. – Здорово, дед Афанасий! Как живется-можется?

Тот повернул голову, склонив ее набок, отчего сделался похожим на одну из своих хохлаток.

– Здравствуйте, господа-товарищи хорошие! – рассыпчатым тенорком ласково ответил он. – Наливочки желаете? Клюквянки? Ох, и забориста! – самоупоенно причмокнул губами, затем вдруг встрепенулся: – Ты, что ли, Сидор?

– Он самый... Так и хозяйнуешь один? – осведомился Груздев. – Жанна не обещалась приехать?

– Нету моей ягодки наливной, нету моего цветочка-бутона! – пропел дед Афанасий.

– А вдруг приедет? – успокоил его Груздев. – Она же любительница сюрпризов. Вот возьмет, и нагрянет! А что там твоя Феня, какие новости?

Весь переговорный процесс Сидор Тихонович великодушно взял на себя. Я лишь стоял рядом и слушал, да кивал в нужных местах. Между прочим, старик Ворохов оказался необыкновенно говорливым. Он так и сыпал рифмованными словечками. Не хочу показаться жестокосердным, но подумалось, не избыточная ли говорливость стала причиной его забывчивости? Впрочем, покуда не наблюдалось никаких признаков старческого маразма. Ответы дедушки Афанасия можно было признать образцом здравого смысла, если бы не их чрезмерная цветастость.

Из глубины участка доносился грозный собачий рык, и я счел целесообразным поинтересоваться, не возникнут ли у меня проблемы с четвероногим стражем дома. На это дедушка Афанасий заметил, что на ночь он оставит собаку на цепи. Груздев при этом успокаивающе шепнул мне, что по хозяйству дедушка никогда ничего не забывает.

Тем не менее, я купил у дедули коробок спичек (за червонец), а также заплатил ему за два дня проживания.

Затем меня провели через высокое крыльцо в дом и предложили на выбор любую из полдюжины комнат, которые как бы окольцовывали огромную русскую печь, занимавшую весь центр дома. При этом хозяин сообщил, что в летнее время он предпочитает ночевать на сеновале.

Я выбрал комнату с окном, из которого просматривался участок реки. В комнате имелся старенький, но удобный диван. Вот и отлично!

Груздев ушел. По его словам, в пансионат. Но, проводив его взглядом из окна, я убедился, что непоседливый администратор свернул совсем в другую сторону.

Было четверть двенадцатого, но сумерки только-только начали сгущаться – такова уж особенность нашего короткого питерского лета.

Зная, что уснуть все равно не удастся, я решил ознакомиться с окрестностями поближе и отправился на прогулку.

Судя по всему, Карповка стояла на земле, отвоеванной у леса. Впрочем, кое-где, внутри деревни, сохранились его островки в виде группы сосен или зарослей дикого шиповника. Из раскрытых окон доносились громкие голоса, звуки музыки. В укромных уголках вдоль реки шептались о чем-то своем парочки. Захмелевшая компания устроила вечернее купание. На небе не виднелось ни облачка – верный признак хорошей погоды на завтра.

Я сидел над рекой, курил и думал о том, что сведения, полученные мною от Шестоперовой, подтверждаются в полном объеме. Она не ошиблась ни в одной детали. По крайней мере, по состоянию моей информированности на текущий момент. Похоже, у этой женщины воистину зоркий глаз.

Со своей стороны, я тоже не подвел ее, как заказчицу, ни в чем.

Я знал точно, что Груздев заснет сегодня не раньше, чем поделится выведенной тайной с домашними, а также первейшими друзьями. Вот и отлично! Значит, уже с утра по Карповке прокатится слух о приезде питерского юриста, занятого поисками наследника богатого заокеанского дядюшки. Я ничуть не сомневался, что мою версию Груздев переиначит на собственный лад. К этим слухам добавят кое-что от себя и пассажиры автобуса, чье любопытство я возбудил, высадившись у тропинки на пансионат. В той или иной форме молва дойдет до Эдика и Кости, придав моему появлению весомую постороннюю причину. Да и мое квартирование в доме бабушки Афанасия теперь целиком спишется на Груздева. Я совершенно отмазал вас, любезная Валентина Федоровна, и теперь вы абсолютно чисты перед компаньонами вашего мужа.

Плавное течение Святых, в водах которой уже отражались первые звезды, завораживало. Хотелось хоть ненадолго отключиться от суеты последних дней.

Я выкурил еще одну сигарету и отправился к своему новому пристанищу.

В моей комнате горел свет. Я помнил совершенно точно, что, уходя, погасил его везде. Дедушка Афанасий, по идее, должен был уже давно мирно похрапывать на сеновале. Неужто старик потерял сон и решил потолковать с постояльцем “за жизнь”? Этому мне еще не хватало!

Я поднялся на высокое крыльцо. Лестница под ногами скрипела на всю округу. В глубине двора из темноты залаял пес. Внутри дома произошло какое-то движение.

Сначала я попал в темные сени, где с немалым трудом разыскал дверь, ведущую в горницу. Распахнул ее и... обомлел.

Прямо передо мной стояла высокая, прекрасно сложенная, загорелая до бронзы женщина с льняными волосами до плеч. Ее располагающая улыбка в один миг заставила меня забыть о легкой хандре.

Женщина дружелюбно улыбнулась и сделала шаг навстречу.

– Здравствуйте, таинственный постоялец! – произнесла она дразнящим голосом. – Давайте знакомиться, раз уж мы оказались под одной крышей. Меня зовут Жанна...

5. КУПАНИЕ ПРИ ЛУНЕ

Когда Шестоперова рассказывала мне о Жанне, называя ее своей лучшей и самой близкой подругой, у меня сложилось впечатление, что они примерно одного возраста.

Теперь я понял, что ошибался. И довольно существенно.

Даже с поправкой на скудость освещения вряд ли ей можно было дать больше тридцати – тридцати двух.

Но главное – она была необыкновенно хороша. Просторная белая блузка и облегающие джинсы удачно подчеркивали ее природную привлекательность, а спокойный взгляд больших серых глаз в сочетании с затаенной усмешкой в уголках красиво очерченных, чувственных губ говорил о богато одаренной натуре (и богатом житейском опыте).

“Дурак Эдик!” – была моя первая мысль. Разве таких женщин бросают?!

Однако же предстояло срочно определиться с линией поведения.

Сказать по правде, появление Жанны застигло меня врасплох. Ведь и Шестоперова, и Груздев, и дедушка Афанасий уверяли, что ее приезд маловероятен. Но она приехала. Оказавшись – неожиданно для меня – на редкость очаровательной особой. (А я привык доверять своему первому впечатлению.) Шестоперова, насколько я припоминаю, не собиралась посвящать лучшую подругу в свои планы. В прошлогодней прогулке на Неве Жанна не участвовала и меня видеть не могла. Следовательно, сейчас я для нее – случайный путник, угодивший по стечению обстоятельств в дом ее деда. С другой стороны, Груздев обрисовал мне некоторые подробности ее личной жизни. То есть, мне в данный момент не обязательно изображать из себя непосвященного. И, само собой, теперь я должен выяснить намерения Жанны относительно завтрашнего дня.

Все это в один миг пронеслось в моей голове прежде, чем я шагнул навстречу гостье и, пожимая ее протянутую теплую сильную ладошку, отрекомендовался:

– Дмитрий, юрист. То есть, просто Дима. Прошу принять мои извинения за неожиданное вторжение и причиненные неудобства. Я собирался переночевать в пансионате, но Сидор Тихонович, сославшись на какое-то важное завтрашнее *мероприятие*, привел меня сюда, а хозяин, ваш симпатичный дедушка, уверил, что не ждет сегодня гостей.

– Вам не за что извиняться, – улыбнулась она. – Я и сама здесь гостья, притом редкая. Знакомые собирались в Карповку, ну я к ним и напросилась в машину в последний момент. Давно уже не навещала своих, неловко даже. Как нарочно, часа три простояли в пути из-за поломки. Наконец, приезжаю: дедуля мой уже спит. Будить его я не стала, поднялась в свою комнату. Хотела уже прилечь, смотрю – в углу чужие вещи. Я так и догадалась, что дедуля пустил постояльца. А тут и вы пожаловали собственной персоной...

Несмотря на столь пространный монолог, она никак не отреагировала на мою умышленную оговорку о завтрашнем *мероприятии*.

– Выходит, я занял вашу комнату? Немедленно перехожу в другую.

– О, это излишние хлопоты! Не беспокойтесь по пустякам. Я найду, где разместиться.

Я понял, что пора брать инициативу в свои руки.

Мы стояли в горнице – самой большой комнате дома – возле круглого стола, накрытого зеленой плюшевой скатертью. Горящие вполнакала лампочки трехрожковой люстры создавали волнуемый полумрак.

– Жанна, готов держать пари, что по натуре вы – “сова”, – высказал я предположение.

– Угадали! – кивнула она и добавила не без вызова: – Мне часто кажется, что ночь – не самое лучшее время для сна.

– Этот вопрос достоин детального обсуждения, – ответил я. – Вы ведь остались без ужина, верно? А у меня имеется походная бутылка вполне приличного московского коньяка. И соответствующая холодная закуска.

– Звучит соблазнительно! – Она посмотрела мне в глаза. – Что ж, выставляйтесь! А я тем временем добавлю что-нибудь из припасов дедушки Афанасия.

– Может, не будем грабить бедного старика?

– О! Речь идет исключительно о дарах леса и огорода. Витамины ведь не помешают, верно? – Она игриво повела плечами.

– Но клюквянку трогать не станем.

– Конечно! Ведь у нас есть более благородный напиток.

Итак, первый контакт был установлен.

Через пять минут мы сидели за прилично сервированным столом. Жанна сумела даже разыскать хорошую посуду и коньячные рюмки.

С каждым тостом атмосфера в комнате становилась все более раскованной.

Я не скупился на комплименты и застольные остроты, не забывая чередовать их с интересующими меня вопросами. Жанна не оставалась в долгу, виртуозно парируя мои намеки, легко переходя с темы на тему и тоже задавая вопросы – по форме вполне невинные, а по существу довольно пронизательные. По всему чувствовалось, что она умела и любила бывать в компании, флиртовать, блистать и очаровывать. Улыбка не сходила с ее лица, она не лезла за словом в карман, вот только нужных мне ответов я так и не дождался. Будто и не было в ее жизни долгого замужества за человеком по имени Эдуард Кроваль, тесного общения с персоналом фирмы “Шевалье”. Причем она обходила опасные рифы настолько непринужденно, словно тех и вовсе не существовало.

Пить она тоже умела. Несмотря на умеренность доз, содержимое бутылки все же убывало заметно, но я не рискнул бы утверждать, что моя обольстительная собеседница хоть на йоту ослабила самоконтроль. Мне все сильнее начинало казаться, что нынешний визит Жанны в Карповку отнюдь не случаен, а преследует некую давно рассчитанную цель.

Проще всего было бы выйти сейчас под каким-нибудь предлогом во двор и связаться по сотовому с Шестоперовой. Но вот парадокс! Убаюканный легкостью заказа, я не потрудился взять у заказчицы номер ее домашнего телефона. Как-то не предполагал, что тот может понадобиться.

Наконец я решил переменить тактику.

– Жанночка, позвольте один нескромный вопрос?

– Ну-ну? – покрасневшая, она подалась чуть ближе.

– Вы такая обаятельная... такая необыкновенная... можно сказать, роскошная женщина...

– Продолжайте, – промурлыкала она.

– Извините, но один местный житель шепнул мне, что ваш семейный союз недавно распался. Для меня это непостижимая загадка. Я знаю точно, что такие волнующие женщины – большая редкость, и ими очень дорожат.

Впервые за все время нашего общения по ее улыбчивому лицу пробежало хмурое облачко, в уголках губ пролегла жесткая складка.

– Не будем об этом, ладно?

– О, извините великодушно! И как только у меня повернулся язык?! Чувал ведь, что могу вас огорчить!

– Ну-ну, не надо так трагически! Я очень хорошо вас понимаю. Но больше об этом ни звука.

Что ж, первая атака закончилась неудачей, но я вовсе не собирался отказываться от новых попыток раскрутить мою визави. Ладно, подождем более благоприятного момента.

Она снова была улыбчива и безмятежна.

После очередной рюмочки глянула на свои золотые часики:

– Три! Благословенная Карповка заснула, наконец, праведным сном. Что, если нам пойти искупаться, а? При луне?

– Превосходная идея!

– Возьмите вон то покрывало и полотенце, – попросила она.

– Я подожду во дворе, пока вы переоденетесь, – сказал я, поднимаясь.

– Я вовсе не собираюсь переодеваться, – она пожала плечами и тоже поднялась. – Пойдемте!

Мы вышли на крыльцо.

Пик ночи уже миновал, в природе чувствовалось приближение рассвета. Медовый воздух был неподвижен, и если бы не перелайвание собак, то тишина казалась бы абсолютной.

– Осторожно, здесь крутые ступеньки, – предупредил я. – Обопритесь на мою руку.

– Надеюсь, это рука надежного мужчины? – Она прижалась ко мне всем телом.

Сходя вниз, я постоянно ощущал эту ее легкую, горячую тяжесть. Последние крохи мыслей о *раскрутке* начисто вылетели из моей головы. Рядом со мной находилась прекрасная, чувственная женщина, а все остальное сейчас не имело значения.

Едва мы ступили на землю, как я жадно привлек ее к себе и поцеловал в послушные умелые губы. Рука сама скользнула ей под блузку, не встретив там никаких предметов туалета. Ее рука тоже не осталась безучастной.

Но секунда – и Жанна очутилась в метре от меня.

– Нет-нет! – рассмеялась она дразнящим смехом. – Сначала – купание...

– Как скажете, ваше величество!

Не встретив ни единого прохожего, мы вышли на берег Святи. Воздух начинал светлеть, но еще нельзя было разобрать очертаний не только противоположного берега, но и ближней группы деревьев.

– Дима, постели, пожалуйста, покрывало.

Когда, выполнив ее просьбу, я выпрямился, она уже стояла без одежды.

– Правда, у меня красивый загар? Я езжу загорать на нудистский пляж за Сестрорецком.

Терпеть не могу светлых полосок на теле!

– Чтобы оценить твой загар по достоинству, я должен подойти поближе...

Я попытался поймать ее за руку, но она, увернувшись, отбежала в сторону и принялась поддразнивать меня оттуда. Я бросился к ней, она снова увернулась, заливаясь веселым смехом. Затем, проделав несколько па профессиональной стриптизерши, разбежалась и, оттолкнувшись от насыпного трамплина, в красивом прыжке ушла под воду.

Вынырнув метрах в пятнадцати-двадцати от берега (на таком расстоянии видимость уже была сносной), она помахала мне рукой:

– Димочка, присоединяйся! Прыгай смело, здесь глубоко и чисто! А вода – просто прелесть!

– Прелесть – это ты...

Через полминуты я был рядом с ней.

Мы устроили какую-то сумасшедшую кутерьму, затем я бросился в погоню за ней, но догнать так и не сумел, хотя мы доплыли почти до середины реки. До берега она тоже добралась первой. Здесь, на мелководье, она сама набросилась на меня с неистовым пылом изощренной в ласках любовницы.

Когда я немного пришел в себя, то обнаружил, что мы лежим на покрывале рядом друг с другом. Естественно, безо всякой одежды. Над головой, в самой вышине, образовалась узкая

полоска яркой голубизны. Но окружающий воздух был все еще насыщен плотной фиолетовой взвесью.

Вдруг Жанна одним рывком села на меня сверху. Живая тяжесть и вид ее красиво сомкнутых правильных полушарий заставил меня почувствовать новый прилив сил.

Но тут она хлопнула своей ладошкой по моему бедру.

– Нет-нет, не сейчас! Надо уже одеваться... – Склонившись ниже, так, что ее льняные волосы защекотали мою щеку, она сказала то, что я меньше всего ожидал услышать от нее в настоящую минуту: – Ты спрашивал, почему мой бывший муж бросил меня? Вопрос был неправильно сформулирован. Это я бросила его!

– Именно это я имел в виду. Такой вывод напрашивался сам собой.

– Но ты не можешь знать, по какой причине я его бросила.

– Об этом тоже нетрудно догадаться.

– Думаешь, по причине мужской слабости? Ошибаешься, дорогой! С этим у него как раз все в порядке. Я бросила его потому, что он – убийца...

Я невольно вздрогнул, и, похоже, она восприняла этот мой импульс. Чтобы сгладить впечатление, я спросил:

– Ты, конечно же, выразилась образно, да? Он убил твою любовь, твои мечты, твои надежды...

– Нет, он убивал людей. То есть, не сам, конечно. Нанимал киллера. Но, в конечном итоге, кровь на нем. Могла ли я жить с таким мужем?

– То есть, тебе это открылось случайно? У тебя есть доказательства?

– Да, – лаконично ответила она. – Не знаю, зачем я все это рассказываю тебе. Наверное, просто наболело. А теперь все забудь. И не переспрашивай меня больше. Ответа не получишь. И давай-ка, милый, одеваться. Скоро мимо пойдут пастухи... – Она быстро поднялась, прихватив свои джинсы.

Я все еще пытался осмыслить нежданное признание.

– Жанна, а он знает о твоей осведомленности? Ведь тогда тебе может угрожать серьезная опасность.

– Все, Димочка, – отрезала она, застегивая свою блузку. – Тема закрыта! Одевайся, и если у тебя хватит сил, то дома мы еще продолжим...

Мы вернулись домой, допили коньяк, затем снова любили друг друга.

Но я уже не мог избавиться от ощущения, что Эдик притаился где-то в темном углу и, наливаясь ненавистью, слушает наше дыхание.

В какой-то момент я закрыл глаза, а когда снова открыл их, в комнате уже было достаточно светло. А мне-то казалось, что прошло всего несколько секунд!

Одетая и причесанная Жанна стояла рядом и смотрела на меня. Утомленной она не выглядела.

Я рывком сел на постели, взяв с тумбочки часы: шесть!

– Ты куда собралась, моя прелесть?

– Мне нужно съездить в Лодейное Поле, – ответила она. – Насчет машины договорилась еще вчера, нельзя опаздывать. Проведаю бабушку Феню, загляну еще кое-куда, а во второй половине дня вернусь.

– Обещай, что на обратном пути позвонишь мне с дороги. А я тебя встречу, – и я про-диктовал ей номер своего сотового.

– Ладно, позвоню, – кивнула она. – А ты, милый, отдыхай, набирайся сил! Возможно... Возможно, вечером мне понадобится твоя помощь. – Наклонившись, она крепко поцеловала меня и стремительно вышла из комнаты.

Я слышал, как застучали по ступенькам ее каблучки.

Затем, после паузы, снизу донесся рассыпчатый тенорок дедушки Афанасия:

– Внученька, моя золотая! Цветочек-буточник мой ненаглядный! Куда же ты?! Яишенки свеженькой нажарим, клюквяночки отведаем... Ну, куда ты так торопишься?!

– Надо проведать бабушку. Но я еще вернусь, – ее голос звучал все тише, очевидно, она уже вышла за калитку.

Ситуация нуждалась в незамедлительном осмыслении.

Было ясно, как божий день, что у Жанны какие-то очень серьезные проблемы с ее Эдиком. Она чего-то боится. И на что-то рассчитывает. В Карповку она приехала с определенной целью. Точно зная, что сегодня здесь будут Эдик и прочие. Стоп! А может, Шестоперова все-таки рассказала ей обо мне? И Жанна подарила мне ночь любви, надеясь, что в знак благодарности я помогу ей в ее разборках с Эдиком? Ведь не случайно же она проговорила мне о тайной стороне его жизни! Но, с другой стороны, вмешивать в эту историю Жанну было не в интересах Шестоперовой.

А, впрочем, зачем я буду гадать?

Через несколько часов компаньоны приедут в Карповку, и тогда я получу информацию, что называется, из первых рук.

А пока нужно выспаться. Голова совершенно не соображает. Хотя я и “сова”, но одного часа сна маловато даже для ночной птицы.

Я откинулся на подушку и тут же провалился в небытие.

Разбудила меня мелодия моего мобильного. Я поднес трубку к уху.

– Дмитрий Сергеевич, это вы? Здравствуйте! У вас все нормально? – это был голос Шестоперовой.

(Легка на помине!)

– Где вы? – спросил я.

– Мы уже в Карповке. Через пятнадцать минут я буду у вас. Надеюсь, вы находитесь у дедушки Афанасия, как мы и договаривались?

– Жду вас! – ответил я, не вдаваясь в подробности.

– Одна только просьба: давайте встретимся в доме. Со мной будет водитель, и мне не хотелось бы тратить время на еще один спектакль.

– Приезжайте, тем более что нужно обсудить кое-какие новости, – я отключил связь и рывком сел на диване.

Оказывается, уже полдень. Славно же я поспал!

6. НОВАЯ ВСТРЕЧА С ЗАКАЗЧИЦЕЙ

За четверть часа я успел привести себя в порядок и даже коротко пообщаться с дедом Афанасием, который, надо полагать, спозаранку хлопотал по хозяйству.

Меня он приветствовал как человека, которого видит впервые в жизни: “А-а, господин-товарищ хороший, клюквяночки не желаете, уж больно забориста!” Я потряс над его ухом спичечным коробком, напомнив о вчерашнем *торге*, после чего в его голове что-то сдвинулось и он радостно закивал мне, как доброму знакомому. Но мой первый же вопрос о Жанне поверг его в глубочайшее изумление. (Между прочим, он сдержал обещание, так и не отвязав собаку.)

Мне не оставалось ничего другого, как подняться в дом.

Вскоре появилась Шестоперова. На ней был цветастый сарафан с большими накладными карманами и изящные босоножки. Голову укрывала шляпа с широкими полями в южно-азиатском стиле. Глаза прятались за зеркальными, похожими на тропическую бабочку, солнцезащитными очками. Чувствовалось, что настроена моя заказчица, как гладиатор перед выходом на арену.

После обмена приветствиями и любезностями я настоял на том, чтобы она первой сообщила мне свежие новости.

– Все даже лучше, чем я могла предполагать! – экспрессивно воскликнула она. – Доехали мы без приключений. В пансионате нас встретил Груздев, рассказав по большому секрету, что здесь был адвокат из инюрколлегии, который ищет наследников покойного миллионера. Сообщил также, что лично отвел вас на ночлег к дедушке Афанасию. У нас все заинтригованы. Почва подготовлена. Вы молодец, что так здорово обработали Груздева! Теперь ваше появление и узнавание пройдет на ура! А своим я еще по дороге сказала, что в прошлый раз забыла у деда Афанасия свою любимую косметичку и первым делом отправлюсь за ней.

– Надеюсь, вы приготовили эту самую косметичку?

– Конечно! Она в моей сумочке, в машине.

– Как прошла поездка?

– Мы разделились по восточному принципу: женщины в одной машине, мужики – в другой. Но по приезду я успела расспросить моего Алексея Михайловича. Собственно говоря, он всю дорогу рассказывал им анекдоты, так что у Кости и Эдика не было возможности для пикировки. Однако, по словам мужа, Эдуард выглядел очень напряженным. Ни разу не улыбнулся, хотя обычно анекдоты в исполнении моего супруга заставляют его хохотать до колик.

– Ваш муж – знаток анекдотов?

– Да, знаток и рассказчик. И это у него неплохо получается, поверьте.

– Значит, других новостей у вас нет?

– У меня – нет, – ответила она, сразу же меняясь в лице. – Но, как я поняла по вашей реплике, новости есть у вас, притом немаловажные?

– Вопреки вашим прогнозам, здесь была Жанна! – выпалил я.

– Жанна?! – Шестоперова порывисто задыхалась, словно ей не стало вдруг хватать воздуха. – Но... но... этого не должно было случиться!

– Однако же, случилось. Она рассказала мне кое-что интересное о своем бывшем муже, а затем уехала, чтобы, по ее словам, проведать в больнице бабушку Феню. Перед тем как уйти, она тепло попрощалась с дедушкой Афанасием. Такова в общих чертах хроника событий.

– Ничего не понимаю! – Шестоперова сняла очки, взгляд ее выразительных черных глаз выдавал растерянность. – Вчера во второй половине дня я говорила с Жанной по телефону. Спросила о ее планах на выходные. Она однозначно ответила, что в Карповку не поедет, но отправится вместе с Юлечкой в Ушаково. Это, если вам известно, в противоположной стороне,

по Зеленогорскому направлению. Там дача других ее родственников. Не понимаю, что заставило ее примчаться сюда.

– Еще один вопрос. Так уж получилось, что Жанна сделала важное признание. Она дала понять, не раскрывая подробностей, будто бы Эдуард замешан в неких заказных убийствах. Вам что-нибудь известно об этом?

– Эдик? Заказные убийства? – изумилась Валентина Федоровна.

– Да, причем именно это обстоятельство стало истинной причиной их развода.

– Какой-то кошмар... – чуть слышно выдохнула Шестоперова.

– Вы, между прочим, сами заявили мне, что Жанна – ваша близкая подруга. Похоже, однако, что у нее были тайны от вас.

Шестоперова уже взяла себя в руки:

– Дмитрий Сергеевич, вы, наверное, заметили, что Жанна не из тех особ, у кого душа нараспашку. При всей ее общительности, она очень скрытная личность. Не пойму, почему она доверилась вам? Ведь вы для нее – абсолютно чужой человек.

Полагаю, моя проницательная заказчица давно догадалась, что я переспал с ее подругой.

Но мне, честно говоря, не хотелось обсуждать с ней сейчас эту тему.

Поэтому я ответил обтекаемо:

– Не будем гадать. Возможно, положение столь серьезное, что она рада ухватиться за соломинку. Подождем ее возвращения и попробуем убедить ее довериться нам во всем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.